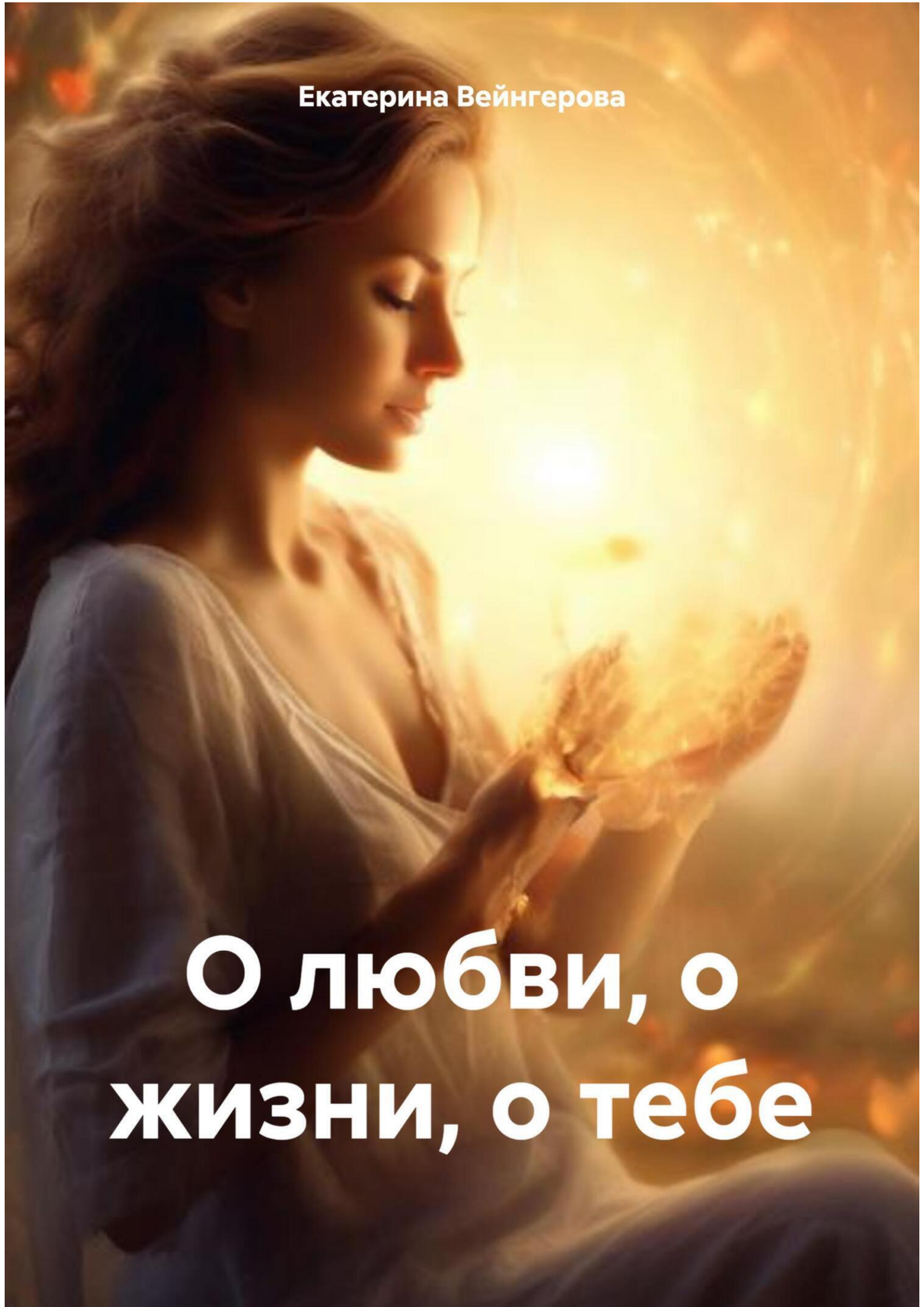

A woman with long, wavy brown hair is shown in profile, looking down at a glowing, golden orb she is holding in her hands. The background is a warm, golden glow with soft, out-of-focus light spots, creating a dreamy and ethereal atmosphere. The woman is wearing a light-colored, possibly white, top.

Екатерина Вейнгерова

**О любви, о
жизни, о тебе**

Екатерина Вейнгерова

О любви, о жизни, о тебе

«Автор»

2024

Вейнгерова Е.

О любви, о жизни, о тебе / Е. Вейнгерова — «Автор», 2024

Что важно для каждой женщины: тепло домашнего очага, любовь, возможность реализации? Каждый ищет свои ответы на эти вопросы. И находит... в том числе в этой книге. Сборник рассказов

© Вейнгерова Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Грустная сказка о нелюбви	5
Кабачки	10
Никогда!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Екатерина Вейнгерова

О любви, о жизни, о тебе

Грустная сказка о нелюбви

Анна Степановна, грузная старуха девяноста пяти лет, с трудом поднялась с кресла и подошла к окну. Она всегда волновалась, когда к ней приезжала бывшая невестка. Тонька! Сколько же она у неё крови выпила? А ведь Анна ей всегда добра желала. И желала бы еще больше, если бы Тонька не решила выйти замуж за её Серёжу. Сейчас бывшая невестка – сама старуха. Во всяком случае, семьдесят пять лет – далеко не юный возраст. Сама давно обзавелась невесткой и поняла почему фунт лиха, когда её сын Паша привел молодую жену.

Уж и Серёжи давно в живых не было, да и с Антониной они разошлись, а видно свекровь и невестка прикипели друг к другу. Хотя по правде их взаимоотношения можно было назвать стойкой неприязнью. А разве Анна была плохой свекровью? И невестку старалась научить уму-разуму. А то ничего не умела: ни в магазин сходить, ни пыль стереть, ни постирать. А уж готовить начинала – смех один! Да и что с детдомовской взять? А сколько ей денег, подарков для внука передавала? И в садик его устроила и с санаторием помогла. Только Тонька неблагодарная: спасибо буркнет, а больше доброго слова от неё не дождешься!

Рядом с окном темный полированный сервант. За стеклом на полке три фотографии в траурных рамках: муж, Серёжа и Наденька. «Что может быть несправедливее, чем хоронить своих детей?» Анна Степановна достала рулет к чаю и тяжело вздохнув, оперлась на ходунки. Медленно передвигая распухшие ноги по ковру, она двинулась на кухню. В отличие от старомодной комнаты, сплошь увешанной коврами и уставленной югославской мебелью, кухня поражала обилием современной техники. Новенький холодильник с большой морозилкой, стиральная машина и микроволновка прочно вошли в обиход пожилой женщины. Тут постарался Паша с женой. У Анны Степановны первой из соседок-пенсионерок в подъезде появлялись кухонный комбайн, мультиварка, йогуртница. И не важно, что сил и здоровья осваивать всё это богатство уже не осталось. Ей было приятно такие подарки и внимание от единственного внука. На кухне Анна Степановна открыла шкаф и стала изучать запасы: к приходу Тоньки нужно написать список покупок. Все лежало, как и положено: мука в пятилитровой стеклянной банке. Сверху пять зубчиков чеснока от жучка. Крупы – каждая в своей наволочке.

Тонька, вернее Антонина Ивановна, в это время тряслась в метро. Она редко ездила к бывшей свекрови – раз в две-три недели. И Антонина знала, что та сейчас волнуется, стоит у окна и ждёт. Антонина давно оставила попытки ответить на вопрос: зачем она едет к той, что разрушила её брак? Что это? Воспитание, не позволяющее бросить одинокую бабушку на произвол судьбы? Или долг, который надо вернуть?

Ведь свекровь после разрыва Антонины с мужем не оставила её. Хоть и не просила помощи, но нужда не позволила Тоне отказаться ни от ведомственного садика для сына, ни от продуктов и подарков для Паши, ни от денег, которые передавались для оплаты лечения мальчика, когда у него возникли проблемы с лёгкими. И что греха таить, ей было приятно, что старуха, которую она терпеть не может, сейчас зависит от неё. Это давало успокоение, и старые обиды на время затихали.

А ведь было время, когда Тоня была готова назвать свекровь мамой. Тем более своих родителей она не помнила: оба сгинули на войне, когда ей и года не было. Но когда новобрачная, обратившись к свекрови, назвала её мамой, то тут же получила выговор:

– Деточка, для вас я Анна Степановна. У меня уже есть дочь Надя, и другой мне не нужно!

После такой отповеди Антонина больше не пыталась свекровь звать мамой. По имени-отчеству, кстати, тоже не звала. Она просто к ней никак не обращалась. Свекровь сделать отношения более тёплыми тоже не стремилась. Каждый раз попытки попытки молодой жены показать, что не совсем неумеха натыкались на язвительные замечания свекрови и Надежды. Жить отдельно у молодой семьи возможности не было. Оставалось терпеть. Что Антонина и делала ради мужа. А потом у свекрови пропало кольцо. Старинное колечко с маленьким бриллиантом – этот подарок Анне Степановне от мужа был особенно дорог, ведь оно передавалось в семье из поколения в поколение. И вот это кольцо исчезло из шкатулки. Конечно, у свекрови вопросов не возникло, кто мог взять. Естественно, это сделала она – детдомовка. Больше никому! Свекровь кричала, грозила и никак не хотела поверить, что невестка не виновата. Дальше милиция, допрос, отпечатки пальцев на шкатулке. Свекровь всем во дворе рассказала, что пригрела в доме воровку. А самое главное – Серёжа. Её родной, любимый Серёжа! Он поверил матери. Приходил, просил вернуть кольцо. И взгляд такой чужой, такой отстраненный. Когда муж подал на развод, Тоня решила не говорить ему о беременности.

Через месяц домой вернулась Наденька. Она проходила летом педагогическую практику в пионерском лагере. Вернувшись, девушка со смехом, рассказывала, как завидовали подружки её старинному колечку с бриллиантом. Она просто взяла на время, пофорсить перед подружками. А что такого? Матери все равно колечко мало и только если на мизинец налезет.

Дело закрыли. Анна Степановна даже не подумала извиниться, только пожала плечами: «А на кого мне было еще думать?»

Серёжа забрал заявление о разводе и просил, чтобы всё “было как раньше”. Тоня не простила. Она могла еще понять свою свекровь. Все-таки для неё она чужой человек, но как муж мог ей не поверить?! Тоня сама подала на развод и навсегда вычеркнула Сергея из своей жизни.

Сын Павел родился недоношенным, болезненным и Антонине пришлось тяжело. Иногда она выла от отчаяния. Гордость не позволила ей просить помощи у бывшего мужа или его родственников. Бывшая свекровь сама разыскала её, обругала на чём свет стоит за гордыню и оставила денег для малыша. И у Тони не хватило духу отказать. Так Анна стала ей помогать.

Дверь в квартиру Антонина Ивановна открыла своим ключом. Лет пять назад, когда здоровье совсем подкосило, бывшая свекровь передала ей ключи со словами: «На вот. Все равно здесь всё вам достанется». Зайдя в квартиру, она застала хозяйку на кухне. Взяла список с тумбочки и стала его изучать.

– Есть будешь?

Обычно Антонина Ивановна отказывалась. Изредка выпьет чаю и всё. Но в этот раз кивнула и свекровь, будто обрадовавшись, открыла морозилку.

– Я тут готовить каждый день не могу. Тяжело всё-таки. Зато когда стряпаю, делаю впрок. Смотри.

С гордостью она продемонстрировала в морозилке пластиковые контейнеры с порциями еды: запеканка, котлеты с кашей.

Анна Степановна достала три такие коробочки и выпрямилась. Лицо покрыла испарина.

– Согреешь? Я пойду сяду. Спина отваливается.

Антонина занялась обедом, а свекровь опершись на ходунки отправилась в комнату.

В домофон позвонили.

– Ну, иди, открывай. Наверное, твоя Ирка пришла.

– Ирка?

– Что уже забыла, как невестку зовут? Открывай, говорю. Видишь, у меня ноги не ходят.

Антонина Ивановна была неприятно поражена. Она прошла в коридор, нажала на кнопку домофона и вернулась в комнату.

– А этой что здесь надо? Знала бы – ни за что не пришла!

– Она ко мне пришла. Девочке посоветоваться надо. Вчера вон звонила, в трубку редела. Что-то с Артёмкой вроде, а Павел из командировки ещё не вернулся, тревожить его не хочет.

Павел работал кардиохирургом. И сейчас оперировал, разъезжая по разным городам большой страны в рамках ежегодной государственной программы. Зная, насколько ответственная работа у мужа, Ира не рискнула сообщить ему новость по телефону.

Антонина схватила за сердце.

– Что с моим мальчиком? Почему она мне ничего не сказала?

Анна Степановна смерила её презрительным взглядом.

– Хватит за сердце-то хвататься. У тебя его всё равно нет. Иначе бы ты Сережку пожалела. – Глаза старшей свекрови полыхнули недобрым огнём. Ведь столько лет прошло, и сына уж в живых нет, а до сих пор душа болит. – Может, ты всё-таки откроешь дверь?

Когда Ирина разделась и вошла в комнату, две старухи – две свекрови уже заняли удобные места одна в кресле, другая на диване у массивного стола, покрытого скатертью с ручной вышивкой.

– Здравствуйте, Анна Степановна. – Ирина подошла, чмокнула старуху в щеку. – И вы здесь?

Свою свекровь Ирина старалась игнорировать. Хорошая память мешала ей забыть старые обиды, а чтобы невестка не расслаблялась, Антонина Ивановна периодически подкидывала ей новые поводы для огорчения. Из последних обид была притворная обеспокоенность свекрови состоянием её здоровья. За последний год Ира здорово похудела, и добрая «мама» тут же раззвонила по всем родным и знакомым что, похоже, у Ирочки глисты!

Анна Степановна взяла инициативу в свои руки.

– Так, Ира, иди и поставь чайник. И там обед в микроволновке проверь. Поухаживай за старухами!

Услышав, что её причислили к старухам, Антонина фыркнула, что не укрылось от внимания её свекрови.

– А ты не фыркай. Мы с тобой давно старые гримзы и пора уже с этим смириться.

Младшая невестка пошла на кухню. Она была совершенно согласна, что её свекровь гримза, но всегда старалась придерживать язык за зубами и не доводить дело до открытого конфликта – не хотела огорчать мужа. Ведь Павел был очень привязан к матери. И так двадцать три года назад ему пришлось выдержать гремучую смесь из крика, угроз, слёз и увещаний своей мамы, когда сообщил ей радостную новость, что женится на Ирочке. «Да она разведёнка, двоемужница!» – свекровь искренне желала сыну добра и считала, что раскрыв ему глаза на «эту» спасёт своего мальчика из её цепких лап. У Иры действительно было за плечами два брака, а ещё дочка Аллочка – голубоглазый ангел четырёх лет от роду.

Первый раз Ира вышла замуж в далёком 1987 году. В юности часто кажется, что после тридцати люди уже начинают стареть, к сорока годам стареть заканчивают и дальше влачат свою скучную пожилую жизнь, наполненную серыми буднями, похожими один на другой. И Ира так считала, пока не встретила своего будущего мужа Юрия. Он был намного её старше, правда в свои сорок четыре года меньше всего походил на старика. Когда об их романе стало известно, разгорелся нешуточный скандал, ведь Юрий преподавал в ВУЗе, а Ира была его студенткой. Юрию грозило исключение из партии и вылет с работы. Родители, осудили отношения дочери с взрослым мужчиной и перестали с ней общаться. Они всё равно поженились. Скандал потихоньку утих, и молодые зажили счастливо. Только не прошло и года, как Ирина овдовела.

Любимый сгорел от рака в две недели, и черная от горя женщина осталась одна. Вернее не совсем одна, через два месяца родилась Аллочка – последний дар любимого. С родителями примириться Ира так и не успела. Автокатастрофа унесла жизни дорогих ей людей и, горюя о своих безвременно ушедших, Ира часто думала, что если бы они успели поговорить, успели понять друг друга? Но история не знает сослагательного наклонения. Они не успели.

Растить дочь одной тяжело. Родственники мужа обратились в суд и пытались лишить её наследства, доказывая, что она «алчная хищница». Хорошо, что брак зарегистрирован по закону и суд встал на защиту молодой вдовы и её дочери. Ира осталась в кооперативной квартире мужа, а его родственники больше не вспоминали ни про неё, ни про Аллу. По крайней мере, больше их Ирина никогда не видела.

В доме каждая вещь, каждый уголок напоминали о Юре. Эту пустоту и горечь утраты молодой женщине выносить было невероятно трудно. И через год Ира приняла настойчивые ухаживания своего сокурсника Игоря. А понадеявшись на поговорку «клин клином вышибают» вышла замуж. Тогда она искренне верила, что сможет его полюбить. Ведь Игорь – хороший человек, умный, добрый, надёжный друг и к Алле относился как к родной дочери. Понадобился год, чтобы понять, как она обманулась – боль не утихала. Просто теперь больно было не одной Ире. Ей бы не торопиться, дать себе право горевать и прожить свое горе до последней капельки, а она поспешила. Думала, что Игорь вытеснит из её сердца любимые черты. Игорь надеялся и ждал любви. Он окружил супругу с дочкой вниманием и заботой. Но когда понял, что он лишь замена, заплатка для ее кровоточащего сердца, стал угрюмым и раздражительным. Когда муж впервые явился домой пьяным, до Ирины, наконец, дошло, что она наделала. Развод прошел мирно. Ира получила свободу, а Игорь шанс найти свое счастье.

Через три года после развода Ира встретила Павла. С Павлом она отогрелась душой. Аллочка сразу приняла нового папу и гордо восседала у него на плечах, когда они все втроём ходили гулять в зоопарк или шли в кино.

«Эта» – так называла свекровь Ирину и в глаза и за глаза. Молодые жили отдельно, и первый год Антонина приезжала к ним часто. Вытребовав у сына ключ для себя, она приходила без предупреждения и начинала наводить порядок. «Мой Павлик не привык жить в грязи! Эта разве умеет что делать?!» – гордо вопрошала Антонина каждого, кто готов был слушать её претензии к невестке.

У молодых не было грязи, но это не мешало свекрови еще раз мыть уже вымытый перед этим пол, заново начищать кастрюли или проводить ревизию в платяном шкафу. Первый раз по имени Антонина назвала свою невестку, когда у Иры и Павла родился сын Артёмка.

Новоявленная бабушка во внуке души не чаяла. Она удвоила свои усилия по приведению быта молодой семьи в порядок. Любые попытки молодых супругов выразить намерение сделать что-то самостоятельно вызывали жгучую обиду. Ведь она хотела им помочь. Даже Аллочку приняла как родную. Финансовая помощь действительно была существенная. Но страсть свекрови во всех вопросах настоять на своём, манипулируя тем, что так ребёнку будет лучше: «Вы что не хотите для Тёмушки лучшего? А я что враг и мне нельзя доверять?»

И вот теперь, когда Ире нужно посоветоваться об Артёме, она не обратилась к своей свекрови. Она позвонила бабушке Павла. Та не лезла в дела супругов, и Ира доверяла ей больше.

Разлив чай по фарфоровым чашкам, Ирина села на стул напротив старшей свекрови. Чай пили молча, сосредоточенно, каждая думая о своем. Могли их отношения сложиться по-другому? Могли они разорвать круговорот неприязни и нелюбви? Что они сделали не так? Ответа не было. Наконец Антонина Ивановна прервала тягостное молчание.

– Рассказывай, что там Артём натворил?

– Он вчера вернулся из Казани. Ездил на два месяца на... – договорить ей не дали.

– Это мы знаем. Что не так с моим внуком? Он здоров? Его обокрали? Не томи! – свекровь была на взводе.

Ира вздохнула и начала рассказывать.

– Мы его ждали весь день. Самолет задерживался. Я извелась вся. Мы с Аллой приготовили ужин, как он любит. Наконец в десять вечера является. И не один. С девочкой! Представляете?! Он привез из Казани девочку. Зовут Галия.

– Галия? По нашему Галка что ли? Сколько же ей лет? – старшая свекровь подалась вперед.

– Восемнадцать. Сбежала с моим дурачком. – Ирина всхлипнула – И что теперь делать?

– Ужас! Почему ты не проконтролировала его? Двадцать лет парню. Совсем ребёнок! А родители её в курсе, где она, что с ней?

– Говорю же, они сбежали!

– Вопрос примут ли теперь дочь обратно? Может, и в розыск подали. – Антонина осуждающе посмотрела на невестку. – Я бы такого не допустила!

– Артём смеётся, говорит, что поженятся и никто им не указ. Сегодня собирались заявление подавать. Я паспорт хотела спрятать, да не нашла. И Паша уехал!

– Нечего за мужа прятаться. – Антонина усмехнулась. – Поздравляю с невестушкой! Теперь ты будешь идеальной свекровью, а я посмотрю, как это у тебя получится! Девочка-то хоть красивая?

Ира потеряла самообладание и сорвалась на крик: «Какая разница: красивая, некрасивая. Она ушла из дома. А мой сын её увез!»

– Значит так! Решать лучше миром. Если получится. – Голос Анны звучал тихо. Это действовало успокаивающе. – Родителям девочки нужно сообщить, что с их ребёнком все в порядке. Мать наверно с ума сходит. Артёму скажи, пусть приезжает. Да вещи сменные возьмет. Я что-то плохо себя чувствую и за мной уход нужен. Пусть приглядит за прабабушкой! Авось времени на разные глупости меньше будет. А там посмотрим.

– Да что смотреть? Они жениться хотят! Да разве я об этом думала? Ему учиться нужно, на ноги вставать. Работу найти нормальную. Он эту Галку всего два месяца знает. Мой мальчик достоин лучшего. А эта...

Ира осеклась, услышав смех. Меньше всего она ожидала в этой ситуации услышать смех. В изумлении она смотрела на двух старух, которых так развеселила её реакция.

– «Эта», говоришь? Мальчик достоин лучшего? – Ирина свекровь усмехнулась.

Уловив горькие нотки в усмешке свекрови, Ира поняла, что сейчас идёт по накатанной дорожке многих поколений свекровей до неё. Она вздохнула, налила себе еще чаю, и, выпив всю чашку залпом, решительно поднялась и направилась к телефону. Только спокойно! Она сделает всё возможное, а там будет видно!

Кабачки

Я сижу на старенькой кухоньке и с любовью наблюдаю за хозяевами. Каждый раз, когда привожу продукты или лекарства соседям, они пытаются меня накормить или дать с собой что-нибудь. Всегда неловко себя чувствую. Но нашла для себя приемлемый способ: приношу гостинчики от нашей семьи. Так и меняемся. Я им баночку клубничного варенья, они через неделю пучок редиски. Они собирают шиповник для витаминного чая, а у меня так кстати оказываются с собой их любимые «Мишки». Те самые, в голубых фантиках. Так и живём.

– Катенька, кисонька, вот возьми от нас гостинчик. – Дядя Боря протянул мне довольно увесистую авоську.

– Что там?

– Кабачки. Посмотри какие полногрудые!

Я посмотрела. В авоську заботливые руки дяди Бори утрамбовали штук пять кабачков и ... Я вытаскиваю на свет Божий патиссон.

– Ой, а это что?

– А это такой специальный кабачок. Для красивых девочек. Видишь какой? На цветочек похож. Только его чистить неудобно. А на вкус такой же.

– Дядя Боря, даже неудобно как-то. Вам самим кабачки пригодятся.

– Деточка, чтобы ты знала, кабачок – это женщина российского огорода.

Тётя Бася фыркает:

– Ещё чего выдумал. Сам старый, а всё ему женщины в кабачках мерещатся! Пойду-ка я за парадными чашками. А ты его, Катюш, не слушай.

С этими словами она выплывает из кухни. А я обращаюсь к её супругу.

– Почему?

– Ну, во-первых, форма. Вы мне покажите такого мужчину, и я буду громко смеяться. А во-вторых, вы заведите на огороде кабачок. Вот заведите, я вам говорю.

– И что будет?

– Таки вы ужаснётесь от последствий. Всё как с женщиной. Ты не смущайся. Но кто тебе кроме старого дяди Бори правду скажет? О чем это я?

– Про женщин.

– Женщины, женщины...

Дядя Боря надолго задумывается, морщит лоб и без того изрезанный глубокими морщинами, потом подпирает щёку и задумчиво смотрит на меня. Я молчу и терпеливо жду.

– Точно! Женщины! Вам уже ничего не хочется и надо домой. А они собираются еще раз цвести и плодоносить. И внезапно вместо одного максимум двух симпатичных кабачков вам нужно заказывать машину, чтобы вывезти это счастье домой в количестве пары центнеров. И когда вы дотащили своё сокровище до квартиры, вам нужно с ней, то есть с ними что-то делать и как-то ухаживать. Потому что если вы ничего не будете делать, то они сделают вам неприятность.

– Кто сделает?

– Женщины. – Дядя Боря немного подумал и усмехнулся. – И кабачки.

– Какую неприятность?

– Таки здесь зависит от полёта фантазии.

– Дядя Боря, мы еще про женщин или уже про кабачки?

– Не помню. Кажется про то и другое. Но у них в любом случае появляются неприятные бочки – как тёмные пятна на биографии. И еще они начинают дурно ароматизировать пространство.

Тут возвращается тётя Бася. В руках у неё темно-синие чашки с золотыми розами. Старички очень любят их, но достают только для гостей. Каждый мой приход – повод для того, чтобы побаловать себя чаем из любимых чашек.

– Не морочь девочке голову. Ей ещё замуж выходить!

Старик недовольно поджимает губы и умолкает. Я решаю спасти ситуацию.

– А научите меня делать кабачковые оладьи. Помните вы меня угощали? Там еще какие-то зелёные листочки были.

– Это шпинат. Ты нам как-то привозила, а Борис пол-упаковки в тесто уронил.

– Не уронил, а добавил. Это новый рецепт.

– Тогда сам и рассказывай. Ой, а может сразу и приготовим? – засуетилась тётя Бася. – У нас и сметанка есть.

Узнав, что ему поручили такую важную миссию, дядя Боря приободрился. За что был немедленно отправлен супругой мыть руки с мылом и надевать фартук. Какой же он без этого шеф-повар?

– Итак, сначала нужно кабачкам помыть и снять кожицу. Срежь тоненько, чтобы не повредить витамины.

– Так, а потом?

– Потом нужно взять тёрку и потереть.

– На крупной, дядь Борь?

– На крупной. Мы же не готовим с тобой пюре!

– Пюре?

– Именно её мы и не готовим.

– А дальше?

– Теперь надо посолить и добавить одно иичко.

– А не мало будет?

– Нет. Запомнить пропорцию очень просто. Всё как в Советском Союзе: в одни руки одно иичко! Или на один кабачок... Ты понятливая девочка. Запомнила?

Я послушно киваю. Добавляю яйцо в миску с кабачками и начинаю размешивать. Тянусь к бутылке с молоком.

– Пожалейте корову! – Останавливает меня дядя Боря.

Тётя Бася решает пояснить:

– Кабачки очень много сока дадут. Дополнительная жидкость не нужна. Тем более еще ведь солить будем. От соли овощи также сок дают. Сама знаешь.

Я киваю. И тётя Бася продолжает.

– А теперь надо промыть шпинат и добавить в миску.

– Сколько?

– Давай подумаем вместе. Мы же делаем кабачковые оладьи со шпинатом, а не шпинатные с кабачком. Значит, кабачка должно быть больше.

Я достаю из холодильника упаковку шпината, высыпаю половину в дуршлаг и начинаю мыть сочные тёмно-зелёные листики.

– А их надо измельчать?

Тут мнения супругов разошлись.

– Я бы измельчила. Тем более Сёма нам блендер купил. – Тетя Бася очень гордилась подарком внука. – Тогда будут нежные, зеленоватые, прямо март на тарелке. Такое и в дорогом ресторане подавать можно.

Дядя Боря выслушал жену и проворчал:

– В ресторанах? Зачем приличной девочке ходить в ресторанах, когда есть дядя Боря и его кабачки?! Тем более ей еще замуж выходить. Ресторан, Катенька, это где богатые бездель-

ники выгуливают свои кошельки и водят амурных женщин пить капучину. Ты ведь не амурная женщина?

Я вздрагиваю и отрицательно мотаю головой. Тётя Бася смеётся:

– Хватит пугать ребёнка. Она уже взрослая. Давайте лучше дальше готовить.

– Моё мнение, что шпинат резать мелко не надо. Иначе оладьи будут невнятного цвета, как моя жизнь на пенсии. А вот если добавить целиком или порезать немножко, то у тебя в оладье будет сочный полезный листик, который ты съешь с удовольствием на своё здоровье.

Так мы и сделали.

– Муки надо добавлять самую малость. – Над ухом прозвучал голос тёти Баси. – Вот тебе банка, сыпь.

– А это сколько в граммах?

– В граммах у нас, деточка, другие продукты. – Подал голос дядя Боря. – Но Басенька с утра не велела. А муки нужно добавить самую чуточку. Вот начинай сыпать я скажу, когда хватит.

В миску попало три столовой ложки с горкой, когда дядя Боря схватил меня за руку.

– Стоп! Надо и на голодный год что-то оставить. Вот теперь всё размешай и будем жарить на масле. Только пусть Бася жарит. Тебе нельзя, ты – гостья.

Через двадцать минут мы сидели за столом и ели вкусные кабачковые оладьи. Кто со сметаной, а кто с брынзой. Дядя Боря считал, что брынза – это подходящее "мужское" дополнение к "женским кабачкам". Так родится гармония вкуса. Иначе всё будет слишком мягко и нежно. А в кружках у нас радовало взор и согревало душу капучино. Да, та самая «буржуазная капучина», которую, по мнению соседа, пьют богатые бездельники с амурными женщинами в ресторанах. Откуда? Это уже другая история. Как-нибудь расскажу.

Никогда!

Они стояли в тесном кружочке, сгрудившись вокруг замызанного зеркальца Людки. Было немного жутковато. Петька вздохнул, почему-то перекрестился и забубнил вместе со всеми:

– Пиковая Дама, появись! Пиковая Дама, появись!

Соответствующая карта из колоды уже давно лежала под зеркалом. «Жертвенные» конфеты были ещё раньше закопаны здесь же под кустом. Теперь по уверениям Людки нужно было смотреть в зеркало и ждать. Чего ждать Петька выяснить не успел: кто-то изо всех сил стегнул его по ногам хворостиной. Он вскрикнул. Детвора в мгновение ока исчезла в кустах, а Петр оказался нос к носу с разъяренной бабкой Матрёной. Хворостина в её руках проделала круг и с размаху ударила парня по заднице. Тот хотел дать дёру, но не успел. Бабка цепко схватила его за ухо и потащила со двора.

– Ужо я тебе покажу подлецу пиковую даму! Я тебе такую даму сейчас разрисую, что любо дорого будет. И отцу скажу. Ишь чего выдумал! С нечистью в игры играть. Вот я тебе сейчас задам! На всю жизнь запомнишь.

Дома бабка Матрёна продолжила ругаться. Если её послушать, так Петька чуть ли не всамделишного чёрта из ада призвал. Парень слушал бабкин гундёж и про себя возмущался: «Можно подумать мы что-то страшное сделали?! В эту ерунду только девчонки верят. Вроде Светки Ежовой или Людки Моховой. И вообще он туда пошел только чтобы посмотреть куда они конфеты закопают.»

Бабка не унималась. Дома старуху всерьёз не воспринимали – стара больно, работать по дому больше не может как раньше. Руки трясутся. Голова трясётся. Глаза ослабли. Головой говорят тоже повредила: что ни скажешь, забудет. Помнит только давнишнее. Родители хотели Матрёну в больницу сдать. Есть такие специальные больницы для стариков – Петька по телевизору видел. Богадельни называются. Правда смешное слово? Парень невольно ухмыльнулся и тут же получил от бабки по уху. Он попытался сосредоточиться.

– Никогда не заигрывай с нечистой силой! Никогда! Никогда не призывай тех, кому потом не рад будешь! Даже шутки такие не шути! И в игры такие не играй. Ты понял меня? И чтобы близко тебя там больше не было! Что молчишь?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.